

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.1.8>

Ризаева Кристина Владимировна

[Специфика жанров малой прозы в творчестве М. Н. Альбова](#)

В статье рассмотрены жанры малой прозы: очерк, эскиз, фрагмент, записки, рассказ, - в том варианте, как они представлены преимущественно в раннем творчестве М. Н. Альбова. Показано, что тенденция к жанровому синтезу проявилась не только в крупных жанрах, в творчестве классиков XIX века, но и в малой прозе писателей так называемого "второго ряда", к которым относят и М. Н. Альбова. Новизна работы заключается в подходе к изучению произведений малой прозы Альбова с точки зрения ее жанрового своеобразия, выявлена оригинальная черта писателя - наличие жанровых подзаголовков. Автор приходит к выводу о синтезе жанров психологического рассказа и физиологического очерка в малой прозе Альбова.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/1/8.html

Источник

[Филологические науки. Вопросы теории и практики](#)

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 1. С. 40-44. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/1/

[© Издательство "Грамота"](#)

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Three China's Images in N. Gumilyov's Creative Work and Specificity of Their Formation

Pei Jiamin

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow
Xiaowanzi0471@126.com

China's poetical heritage traditionally attracts attention of the Russian and foreign researchers. However, the Russian perception of China is based not only on authentic information but on its numerous Western European interpretations. N. S. Gumilyov's (1886-1921) poetical works contain the poet's unique conception of China, his analysis of this complicated and contradictive problem. The paper considers N. S. Gumilyov's original interpretation (personification) of "three China's images". The study is based on the Chinese researchers' works.

Key words and phrases: Nikolay Gumilyov; poetry; China's image; spiritual world; specificity.

УДК 8; 882:821.161.1

Дата поступления рукописи: 28.11.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.1.8>

В статье рассмотрены жанры малой прозы: очерк, эскиз, фрагмент, записки, рассказ, – в том варианте, как они представлены преимущественно в раннем творчестве М. Н. Альбова. Показано, что тенденция к жанровому синтезу проявилась не только в крупных жанрах, в творчестве классиков XIX века, но и в малой прозе писателей так называемого «второго ряда», к которым относят и М. Н. Альбова. Новизна работы заключается в подходе к изучению произведений малой прозы Альбова с точки зрения ее жанрового своеобразия, выявлена оригинальная черта писателя – наличие жанровых подзаголовков. Автор приходит к выводу о синтезе жанров психологического рассказа и физиологического очерка в малой прозе Альбова.

Ключевые слова и фразы: М. Н. Альбов; малая проза; очерк; эскиз; рассказ; жанр; фрагмент; записки.

Ризаева Кристина Владимировна

Московский городской педагогический университет
minushinak@gmail.com

Специфика жанров малой прозы в творчестве М. Н. Альбова

Творчество М. Н. Альбова (1851-1911) в последние десятилетия все больше привлекает внимание исследователей [12, с. 112], что обуславливает **актуальность** представленной работы. В его произведениях, в свое время оцененных Н. К. Михайловским, С. А. Венгеровым, К. Чуковским, А. В. Амфитеатовым и др. известными литераторами, акцент в наши дни переносится на своеобразное сочетание традиций и новаторства, характерного для исканий писателей второй половины XIX в. и рубежа XIX-XX вв. В этом отношении еще многое не выяснено, в первую очередь, это особенности жанровых взаимодействий. **Научная новизна** исследования обусловлена обращением к творчеству писателя, значимого для литературного процесса своего времени. Кроме того, прослежена трансформация некоторых жанровых традиций, что также придает данной работе оттенок новизны. **Цель** нашей работы – определить круг жанров малой прозы, к которым обращался писатель на раннем этапе. Для ее достижения проведен анализ ряда произведений М. Н. Альбова, что, в свою очередь, дает возможность охарактеризовать особенности этих жанров в творчестве писателя, которое отличается многочисленными литературными заимствованиями и подражанием классикам. Цель и задачи исследования предполагают использование традиционного историко-типологического метода.

Осваивая жанровые традиции, Альбов шел не по магистральному пути стирания жанровых границ и синтеза родовых и жанровых признаков, характерному для русской литературы второй половины XIX в. Он, скорее, пытался расширить возможности сложившихся устойчивых форм, чем выйти за их пределы. Эта особенность отразилась в своеобразных подзаголовках его произведений. Можно сказать, что в данном отношении он был среди предшественников Н. С. Лескова, своеобразие прозаических жанров которого стало одной из важнейших примет русской классики [19, с. 127].

В творчестве Альбова представлены практически все эпические жанры: от очерка, рассказа, повести до романа-трилогии. Наиболее очевидны эксперименты писателя в его малой прозе, т.е. в жанрах очерка, рассказа, фрагмента. Даже его повести очень невелики по охвату событий и объему и близки к рассказу. Обращение к этим формам обусловлено в большей мере родом деятельности Альбова: окончив юридический факультет, он практически не служил по профессии, а занимался редакционно-издательской деятельностью, готовя к изданию такие известные журналы, как «Слово», «Дело», «Северный вестник», газету «Приднепровский край». Публикации в периодике, как известно, имеют свою специфику и жесткие требования к объему материалов.

Первые опубликованные произведения (1866-1867 гг.) М. Н. Альбова представляют собой прозу малых жанров. Это типичные по содержанию и объему газетные и журнальные рассказы, очерки, зарисовки, которые

печатал Петербургский листок (газета, в разное время носившая разные названия, она же Петербургская газета, возглавляемая И. А. Арсеньевым). Еще до прихода Альбова круг интересов помещаемых материалов был осмеян в сатирической Искре: «Порешив раз навсегда со всеми нигилистами, нигилистками, косматыми демократами и “стриженными девками” – отечественная пресса, как известно, с особенным рвением принялась за обличение мелкого люда, дворников, водовозов, извозчиков и т.д. В обличениях этого рода первенство, без сомнения, принадлежит молодому, но ретивому органу, а именно “Петербургскому листку”» [20]. В 1860-е гг. в газете печатались произведения писателей демократической ориентации: Г. И. Успенского, Ф. М. Решетникова, А. И. Левитова, а также Н. А. Лейкина и др.

Направление этой газеты, ее обращение к массовому читателю во многом определили тематику и героев («мелкого люда») первых произведений Альбова, а также возрождение под его пером жанра «физиологического очерка». Таков главный герой *рассказа* «**Бубенец**» (1903) – отставной штабс-капитан Бубенец [1, с. 209], «всеобщий закадыка артиста Анчарова-Ленского». Здесь обнаруживается приверженность Альбова к «говорящим» фамилиям и именам известных литературных персонажей. Фамилия Анчарова-Ленского отсылает читателя к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин» (1823-1830) и к стихотворению «Анчар» (1828). Такое противоречивое сочетание вызывает комический эффект. Описание внешности иронично и отстраненно: «Бубенец был маленький, подвижной человек, названный одним приятелем “куричий поп”, лет под пятьдесят, с скуластым лицом, покрытым обильной растительностью, которая лезла у него отовсюду, даже из совсем неуказанных мест» [Там же, с. 217]. Характер проявляется не столько в поступках персонажа, сколько в прямых определениях и оценках повествователя: «Штаб-капитан Бубенец был характернейшим представителем типа людей, справедливо достойных серьезного внимания психологов, но, сколько я знаю, не подвергавшихся всестороннему их изучению» [Там же, с. 213]; он «добрый малый, а, впрочем, пустейший» [Там же, с. 214]. «Бубенец мало-помалу тускнел в глазах своего нового друга и... устанавливалось к нему в конце концов отношение, обобщаясь... при наличии разных отдельных оттенков, одним: отсутствием к нему *уважения*» [Там же, с. 215].

Практически каждому сочинению начинающий писатель дает жанровые подзаголовки, которые отличаются своеобразием и оригинальностью. Наибольшее количество жанровых вариаций связано с жанрами рассказа и очерка.

Одна из первых публикаций Альбова – «**Петербургские мизерабли**» (1866-1867) – явно ориентирована на любителей легкого чтения. Произведение характеризует круг чтения самого автора. Его название является аллюзией на роман Гюго «Отверженные» (“Les Misérables”, 1862). Кроме того, оно напоминает и заглавие романа Крестовского «Петербургские трущобы» (первая публикация в Отечественных записках в 1864-1866). В *рассказе* содержатся многочисленные отсылки и к роману Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» (1866): это героини по фамилии Мармеладовы, действие разворачивается в петербургском «углу», в убогой съемной «каморке» [9], с квартирной хозяйкой – циничной, завистливой и жестокой. Сюжет организован событиями мелодраматического и детективного характера: случайно подслушав под дверью разговор хозяйки с мелким лавочником, желающим заполучить «Машутку в содержанки», от потрясения, измученная болезнью слабая женщина умирает. Ее дочь Маша, чтобы заплатить за квартиру и нанять доктора к умирающей матери, продает свою невинность за 100 рублей, пособницей в этом деле становится также квартирная хозяйка Мармеладовых. Признающая свою вину («ведь я, некоторым родом, ее убийца»), Агафья Ивановна доводит до логического конца придуманную ею «механику»: после похорон Мармеладовой она выступает в роли добродетельницы и указывает Маше путь содержанки. При этом расхваливает знакомого ей лавочника: «Богатей-то какой! После отца три лавки фруктовых останутся...» [Там же], – который давно уже в стоворе с квартирной хозяйкой. Мотив обиженной невинности к этому времени уже неоднократно использовался Достоевским («Бедные люди» (1846), «Униженные и оскорбленные», (1861)). Альбов защищает своих «мизераблей», симпатии читателя на стороне Машеньки и старушки Мармеладовой, но кроме гордости и образования («Ведь мы образованные! В пансионе воспитывались, романы читаем!») [Там же], – с упреком восклицает квартирная хозяйка) у них нет ничего, они бессильны против социального неравенства, и чтобы как-то выжить после смерти матери, Маша принимает предложение квартирной хозяйки: «Что же? Если этого еще не доставало к моему окончательному позору, то я согласна!» [Там же].

Главные герои юмористического рассказа «Сбежала собачка» (1866) – студент и квартирная хозяйка (Иван Автономович Ваксин – Улита Фирсовна Отгузилова). Конфликт между ними отражает конкретно-историческую действительность и одновременно напоминает сюжетную ситуацию в романе Достоевского «Преступление и наказание» (1866).

Но в рассказе иная, счастливая развязка: студенту везет, он случайно обнаруживает пропавшую собачку и получает столь желаемое вознаграждение, половина которого идет на уплату долга квартирной хозяйке. Комично описание молодого человека «не из храброго десятка», у которого «сердце замирало... от ужаса, когда ему надо было проходить мимо темного переулка» [10], он боится и своей квартирной хозяйки. «Лютой», «кровожадной» предстает она в глазах малодушного студента, однако ж в описании «грозной» квартирной хозяйки есть детали, вызывающие улыбку: она носит сапоги со шпорами, доставшиеся ей от первого покойного мужа, по утрам, и всего-то «жестокосердой» хозяйке нужно – чтобы задолжавший ей квартирант открыл дверь своей «каморки».

Один из важнейших для Альбова жанров – *очерк*. Особенности «На точке. Очерка одного исчезнувшего типа» (1885) подробно проанализированы ранее [17, с. 113]. «Очерк – эпический, по преимуществу прозаический

жанр, в котором описательно-повествовательное изображение складывается в основном из наблюдений “рассказчика”, составляющий композиционный центр произведения... Очерк включает в себя не только описательные элементы (портрет, пейзаж, вещный “интерьер”), которые могут занять в нем главенствующее положение, но и повествование о динамических “деталях”, о поступках и действиях персонажей» [14, стб. 515]. Но и в жанре очерка Альбову тесно, так появляется еще один эксперимент с жанровым подзаголовком, который мы рассмотрим ниже.

«Диссонанс. Эскиз» (1883). Жанр *эскиза* (наброска) у Альбова становится фактически синонимом термина *очерк*. В нем сюжет вытеснен описанием, напряжение создается обнажением противоречия, «диссонанса»: приличная публика, богатая и не очень, занятая какими-то делами, живущая по законам своего класса, которой противостоит нищий, алкоголик, обитающий в ночлежке. Все его мысли сосредоточены только на одном – пропитании и выпивке, добывает которые попрошайничеством. На род его «занятий» содержатся несколько намеков в эскизе: «На перекрестках он идет торопливее, стараясь замешаться в толпу, обходя и осторожно ловя каждое движение завиденного вдали полицейского...» и «Эту ночь он провел в знакомом ему ночлежном приюте, довольно либеральном насчет паспортов, так как это было для него существенно важно...» [3]. Скорее всего, речь идет о бродяге, «не помнящем родства», – о том литературном типе, который станет популярным в русской литературе несколько позже [19, с. 190]. Возможно, «в прошлой жизни» он занимал разные должности, «начиная от бывшего лакея до отставного чиновника» [3].

Бродяга мечтает о хлебе, щах и водке. Праздная толпа совершает моцион «перед обедом», возможно, в «Малом Ярославце» – фешенебельном ресторане на Морской улице в Петербурге, о котором упоминает повествователь. Взгляд голодного подмечает даже «сытого дворника», восседающего перед воротами. Разница в существовании ощущается уже на физиологическом уровне: «И если найдется в этой толпе кто-либо такой, который жрет всякую дрянь, да еще и на это не всегда может рассчитывать, – он стыдливо стушевывается, чувствуя себя диссонансом...» [Там же]. Портрет героя из «бывших» напоминает описания Достоевского: «На *иззелена-бледном и испитом лице* прорывается жидкая растительность, в виде усишек и бородачки телесного цвета. *Маленькие глазки*, кажущиеся еще меньше благодаря выдающимся скулам, глубоко прячутся в своих орбитах и глядят оттуда с беспокойным и хищным выражением голодного. Кончик носа посинел от озноба» [Там же], – что имеет явные сходства с портретом Мармеладова: «Это был человек лет уже за пятьдесят, среднего роста и плотного сложения, с проседью и с большою лысиной, *с отекившим от постоянного пьянства желтым, даже зеленоватым лицом* и с припухшими веками, из-за которых сияли крошечные, как щелочки, но одушевленные красноватые глазки» [11, т. 5, с. 14].

Одежда героя «Диссонанса» также отсылает к изображению внешности персонажей Достоевского (в частности, Раскольникова). Не совсем ясен характер героя Альбова, ему доступны только мечты о еде и тепле, надежды на подачку, воспоминания о пропавшем пальто, что было подчеркнуто в первоначальном заглавии «эскиза» – «Голодный» (1883). Диссонанс, бытийное противоречие, отраженное в очерке, заключается в том, что человек оказывается лишним на свете, «самое его присутствие здесь, в этот час, на Невском проспекте наносит оскорбление всем, оскорбление даже этому самому солнцу» [3].

Пробовал себя Альбов в жанрах *записок* и *дневников*. Это не только «Записки подвального жильца» (1866) – попытка воспроизвести эпистолярную форму (в частности, знаменитого романа «Бедные люди» Достоевского) в жанровых рамках малой формы, но и юмористический рассказ «Из дневника дачника» (1869). «*Записки сыщика*» (1867) объединяют две истории («Перепутье» и «Кто виноват?»). Заглавие второй истории, как это характерно для творчества Альбова, является аллюзией на знаменитый роман А. И. Герцена «Кто виноват?» (1846). Но в 1860-е гг. значительно снижен пафос и философский смысл вопроса. В рассказе Альбова расследуются причины убийства, совершенного «в одном из кривых переулков Петербурга», в «невзрачном домишке» на одном из верхних этажей, в съемной каморке. Подлый человек из «нигилистов» соблазнил девушку, за что и был убит. Сыщику скоро удастся получить признательные показания, после чего преступник-мститель покончил жизнь самоубийством. Кто виноват в том, что разрушены молодые судьбы: низость соблазнителя, благородство мстителя или общая социальная ситуация и «недоконченные, недоуманные современные идеи» (используя известное выражение Достоевского [11, т. 15, с. 273]) – так можно понять общий смысл рассказа.

«Дом» (1888) – по жанру приближается к *очерку*, в котором передана история петербургской улицы, возникшей еще в XVIII в. на пустыре. Старинный барский дом, одним из первых построенный на этой улице, стал свидетелем изменений, происшедших с тех пор. Архитектурные детали: пристройки, двери, окна, колонны, кариатиды – каждая из них оказывается явлением и свидетелем разных эпох и обычаев. В конце концов, повествователь-современник видит, как протекает в этом доме «будничная, серая жизнь будничных, серых существ, что гнездятся в недрах старой руины, со своими трудами, невзгодами, радостями, со всем своим обиходом мелкого муравьиного счастья...» [4]. Однако прошлое не уходит из дома, призраки былого продолжают влиять на настоящее: «...в этих старых стенах, где протекла наша жизнь. Мы все здесь, вокруг вас, во всех углах, переходах... Мы управляем вашей судьбою, внушаем вам мысли, желания, посылаем вам крепкий сон или тревожим вас тяжелыми грёзами... Вы все – в нашей власти, покуда стоят эти старые стены! Но в тот день, когда они упадут – исчезнем и мы, как исчезает душа из мертвого тела, и кончится все, и на развалинах прошлого возникнет новая жизнь, которой уже мы не увидим, а вы разбредетесь искать себе нового гнезда...» [Там же]. История бывшего барского дома, населенного мелким ремесленным и служащим людом,

символизирует развитие улицы, города, страны в целом. Отражены представления повествователя о связи традиции с материальным ее воплощением: чтобы начать жить по-новому, нужно отречься от старого и его призраков.

Этот небольшой очерк был представлен писателем в «Киевский сборник в помощь пострадавшим от неурожая» [13, с. 51]. Как известно, российская интеллигенция, многие известные русские писатели пытались помочь крестьянам тех областей, в которых в 1890-1892 гг. был голод. В частности, осуществлялся сбор средств за продажу книг, изданных без выплаты гонораров.

Интересна и многозначна трансформация «отрывка» Альбова «Осенним вечером» (1876) [14, стб. 116], произошедшая в 1890 г.: «Во мгле серого дня. (Очерк)». Обращает на себя внимание изменение жанрового подзаголовка: *фрагмент* осознан автором как *очерк*. Принципиально и изменение заглавия. Новое заглавие отсылает читателя к стихотворению С. Надсона «Во мгле» (1878). Независимо от того, насколько преднамеренна эта литературная реминисценция, в читательской памяти всплывают строки популярного поэта:

«Мы входим в мир, всё отрицая,
Без жажды пользу приносить;
Наш пошлый смех, не понимая,
Готов всё светлое клеймить:
Зовем мы предрассудком чувство,
В груди у нас сомнений ад,
Сорвав венец златой с искусства,
Мы увенчали им разврат» [16, с. 2].

Правомерность ассоциации подтверждают элементы художественного мира очерка: действие происходит в 1869 г., главный герой – член молодежной коммуны, циничный, развращенный молодой человек; второстепенные персонажи – жители этой коммуны – являются фоном, усиливающим негативные черты характера главного героя, его интеллектуальную ограниченность, демагогию рассуждений на общественные темы, моральную пустоту, эстетическую глухоту. Показаны негативные черты петербургской литературной богемы. Так, «в нескольких шагах за стеною становилось все шумнее и оживленнее...», «как наконец вдруг грянуло и задрезало фортепиано...

О неужели, боги, вас веселить,
Коль наша, честь кувырком... кувырком...
Кувырком по-о-олетит!» [2, с. 331].

Героиня – преследуемая главным героем девушка – очерчена вскользь, она обладает только одним качеством – красотой – и воспринимается как идеал, святыня, которую с грязными целями преследуют те, для которых чужды высокие стремления, которых не волнуют «Свобода, честность, правда, знание / И труд, высокий и святой» [16, с. 2].

О повести Н. В. Гоголя в этом «отрывке» напоминает персонаж Альбова по имени «Нос»: «Но что более всего кидалось в глаза, это – исполинский остроконечный нос, увенчанный на переносье очками. Он, так сказать, владычествовал над прочими частями лица... Благоприятеля Волховинова, для краткости, называли его не иначе, как “Нос”». Напр.:

«– А, вот и Нос идет!» [2, с. 203].

Об одном из значительных персонажей романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?» напоминает фраза: «...ты, ведь, принадлежишь к категории читателей “проницательных...”» [Там же, с. 206], – сказанная Алейшей Чемерицыным Носу в момент повествования об «уличном своем походе» в «напыщенном стиле». Именно эта фраза в устах персонажа Альбова не только объясняет исход задуманного Чемерицыным грязного поступка, но и иллюстрирует саму идею Чернышевского о категории «проницательного читателя». Чемерицын еще не окончил свою мысль о задуманном им «романе», а Волховинов уже угадал развязку: «...я полагаю, что дело пахнет какой-нибудь пошлой интрижкой» [Там же] – и дал свою оценку: «...ты... ты... тьфу! скотина ты, после того!» [Там же, с. 331].

О стихотворении в прозе И. С. Тургенева «Призраки» (1879) напоминает фраза Чемерицына: «Призраки, призраки, прошептали его губы» [Там же, с. 332].

Поэтичным и остроумным представляется покидающему коммуны герою выражение, экспромтом возникшее у него: «...если будут спрашивать, скажи, что выехал на *остров любви*» [Там же, с. 335], – тем самым отсылающее читателей к одному из первых любовных произведений русской литературы – переводной книге В. К. Тредиаковского «Езда в остров любви» (1730).

Автор «Осеннего вечера» (1876) («Во мгле серого дня» (1890)) вводит свое произведение в широкий литературный контекст, используя цитирование, реминисценции и аллюзии. Однако отмеченные включения «чужого» слова в текст Альбова не всегда художественно мотивированы, выделяются и придают пестроту и неровность стилю повествования, иногда нарушают однородность художественного мира произведения, способствуют размыванию жанровых границ.

Жанровая неопределенность и переход от фрагмента к очерку в данном случае объясняются синонимичностью этих определений: для фрагмента и очерка равно характерно отсутствие развитого и законченного

сюжета, динамики повествования, описательность, не столько постановка вопроса, сколько констатация создавшегося положения. Однако в очерке подчеркнуты завершенность мысли и определенность позиции.

Обобщая все вышеизложенное, можно сделать **вывод** о том, что приверженность Альбова жанрам малой прозы обусловлена разнообразными объективными причинами, связанными с редакционно-издательскими требованиями, с общим направлением литературного развития в сторону сближения родовых и жанровых признаков, а также с особенностями творческих замыслов писателя, стремящегося дать описание условий жизни разночинного люда, с его желанием постичь внутренний мир студентов, мещан, швей, гимназисток. Он пытался представить психологию героев и описать условия жизни, их быт, что выражалось в синтезе жанров психологического рассказа и физиологического очерка. Стремясь к достоверности изображения, писатель использовал повествование от первого лица (записки, дневники). Сосредоточенность на отдельных фрагментах исторической действительности способствовала появлению жанров эскиза, наброска, фрагмента. Эти жанровые новации, свидетельствующие о творческой самостоятельности писателя, формировались в русле общей литературной традиции второй половины XIX в. Выявленные своеобразные черты жанров малой прозы М. Н. Альбова могут быть использованы в качестве материала для спецкурса по массовой литературе, а также предложены к изучению в сопоставлении с жанрами малой прозы Н. С. Лескова.

Список источников

1. Альбов М. Н. Бубенец // Альбов М. Н. Сочинения: в 8-ми т. СПб.: А. Ф. Маркс, 1907. Т. 5. С. 207-254.
2. Альбов М. Н. Во мгле серого дня // Родина. 1890. 4 февраля.
3. Альбов М. Н. Диссонанс [Электронный ресурс]: рассказ. URL: http://az.lib.ru/a/alxbow_m_n/text_0040.shtml (дата обращения: 07.12.2019).
4. Альбов М. Н. Дом [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/a/alxbow_m_n/text_1886_dom.shtml (дата обращения: 25.11.2019).
5. Альбов М. Н. Записки подвального жильца // Петербургский листок. 1866. 24 февраля.
6. Альбов М. Н. Записки сыщика // Воскресный досуг. 1867. 4, 11, 18, 25 июня.
7. Альбов М. Н. Из дневника дачника // Петербургская газета. 1869. 22 июля.
8. Альбов М. Н. Снежным вечером // Альбов М. Н. Повести и рассказы. Изд-е 2-е, доп. СПб.: Тип. и лит. В. А. Тиханова, 1887. С. 294-336.
9. Альбов М. Н. Петербургские мизерабли // Петербургский листок. 1866. 1 сентября; 1866. 4 сентября.
10. Альбов М. Н. Сбежала собачка // Сын Отечества. 1866. 17 июня.
11. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 15-ти т. Л.: Наука, 1989. Т. 5. 573 с.; 1996. Т. 15. 861 с.
12. Касаткина К. В. Тип «подпольного человека» в русской литературе XIX – первой трети XX века [Электронный ресурс]: дисс. ... к. филол. н. М., 2016. 201 с. URL: http://www.philol.msu.ru/~ref/dcx/2016_KasatkinaKV_diss_10.01.01_26.pdf (дата обращения: 23.11.2019).
13. Киевский сборник в помощь пострадавшим от неурожая / под ред. И. В. Лучицкого. К.: Типография С. В. Кульженко, 1892. 433 с.
14. Краткая литературная энциклопедия: в 9-ти т. / гл. ред. А. А. Сурков. М.: Советская энциклопедия, 1968. Т. 5. Мурари – Припев. 976 стб.
15. Могилянский А. П. Альбов [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/irl/il0/i92/i92-2552.htm> (дата обращения: 26.11.2019).
16. Надсон С. Я. Полное собрание сочинений с портретом, факсимиле и биографическим очерком: в 7-ми т. / под ред. М. В. Ватсон. Пг.: Изд. т-ва А. Ф. Маркса, 1917. Т. 1. 302 с.
17. Ризаева К. В. Антигерой в произведениях Ф. М. Достоевского и М. Н. Альбова // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2019. № 3. С. 113-119.
18. Романова Г. И. Анализ и интерпретация литературного произведения: практикум. М.: МГПУ, 2016. 127 с.
19. Романова Г. И. Чеховские реминисценции в пьесе М. Горького «На дне» // История русской литературы: современность классики: сборник к юбилею профессора С. А. Джанумова. М.: Книгодел, 2017. С. 190-201.
20. <http://feb-web.ru/feb/periodic/pp0-abc/pp1/pp1-4531.htm?cmd=p&istext=1> (дата обращения: 21.12.2019).

Specificity of Small Prose Genres in M. N. Albov's Creative Work

Rizaeva Kristina Vladimirovna

Moscow City University

minushinak@gmail.com

The article examines small prose genres (essay, sketch, fragment, notes, story) represented in M. N. Albov's early creative work. It is shown that the tendency for genre synthesis manifested itself not only in major classical works of the XIX century literature but also in small prose of the so called "second-rate" writers to whom M. N. Albov belongs. Originality of the paper involves analysing M. N. Albov's small prose from the viewpoint of its genre specificity. The peculiar feature of the writer's individual style – genre subtitles – is identified. The researcher concludes about the synthesis of psychological story and physiological essay genres in M. N. Albov's small prose.

Key words and phrases: M. N. Albov; small prose; essay; sketch; story; genre; fragment; notes.